

УДК 81.1

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В РАБОТАХ Г. ПАВЛОВСКОГО, С. КОРДОНСКОГО, А. АУЗАНА (ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ). ЧАСТЬ I

Ореховский Петр Александрович,

Институт экономики РАН,
Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация

В статье представлен дискурсивный анализ работ известных российских учёных – обществоведов Г. Павловского, С. Кордонского, А. Аузана. Демонстрируется различия политологического, социологического и экономического дискурсов, рассматривающих одну и ту же тему, что делает крайне затруднительным взаимопонимание представителей различных гуманитарных дисциплин. Большинство экономических работ, связанных с исследованием институтов, в качестве неявной посылки используют политический гедонизм, что делает возможным количественное моделирование институциональных изменений.

Ключевые понятия:

дискурс, конструктивизм, власть-собственность, вертикальный контракт, политический гедонизм.

Необходимое введение

Формально результатами общественных наук являются тексты, которые призваны убедить читателей в истинности тех или иных выдвигаемых авторами концепций. Искусство убеждения – определение риторики, а своеобразная «организация», конструирование текста, представляющего область исследования,

является дискурсом. Анализ дискурса предполагает поиск ответов на следующие вопросы:

1. О чём эта история? Как указывает А. Кламер, «учёные... хотя бы понять основную линию повествования до того, как начнётся представление самой работы. «Так о чём же ваша история?» это стандартный и весьма оправданный вводный вопрос» [3, с. 194].

2. Какая аргументация используется для доказательства основного тезиса работы? Как определяет риторику Д. Макклоски: «Наука являет собой пример письма с намерением, намерением убедить остальных учёных, в частности, учёных экономистов. Изучение подобных текстов, нацеленных на убеждение, греки называли «риторикой»... Риторика, конечно, можно было бы назвать иначе – «словесное мастерство» или «исследование аргументации» [8, с. 7].

3. Как эта история сочетается с другими историями, в которых так или иначе раскрывается та же самая тема?

Следует оговориться, что в дискурсивном анализе нет критериев для выявления истинности или, напротив, неверности тех или иных концепций. Как указывает У. Сэмюэлс, здесь используется методологический плюрализм [13, с. 13–30], а истина выступает лишь как социальный конструкт. Дальнейшее изложение не предполагает оценок рассматриваемых работ в стиле «этот автор – прав, а этот – ошибается».

Россия как «клуб»

Работа Г.О. Павловского [11] имеет подзаголовок «словарь абстракций Кремля», поэтому текст в ней организован в алфавитном порядке, от «Безальтернативности» до «Ярославля». Здесь нет нарратива, некоего «сюжета», разворачивающегося от начала к концу изложения. Такой способ организации дискурса приводит к определённой произвольности в обсуждении центральной темы, которой является логика власти, логика её выстраивания, размышления и действия. Поскольку такая логика не определяется алфавитом, постольку вне зависимости от намерений самого Павловского его текст оказывается зашифрованным, и требует существенного труда по пониманию и «раскодированию».

Россию автор определяет через термин, заимствованный у программистов, «клуб» – работоспособную ошибку [11, с. 115]. Но в чём суть этой ошибки? Исторически она восходит к 1991 г., Беловежским соглашениям (раздел «Государственность»).

«Конец Советского Союза был сном фантазий. Осенью 1991 года показалось, что вот-вот сбудутся все фантазии сразу. Но что-то пошло не так. В момент оргазма, когда желания столь сильны, что их не формулируют, все вдруг исчезло. Вещи ушли с мест, и все то, что было гражданским порядком, перестало существовать. Приготовились было вступить в борьбу за то, что еще не потеряно. Но <...> государство ударило в спину, отказываясь гарантировать что бы то ни было. Эту операцию отсоединения живого существа от всех форм защиты жизни и следует считать истоком новой власти.

Рухнуло доверие, материализованное в институтах; рухнуло доверие к тем, с кем вместе боролся за будущую справедливую власть. Рухнули сбережения

во вкладах сберкасс. Испарились и деньги в матрасе. Рухнула возможность, потеряв работу, найти другую» [11, с. 29–30].

Кажется, ну и что здесь особенного? Социальные потрясения случались в разное время в разных странах, СССР. Россия – не первое и не последнее государство, подвергшееся распаду. Однако Павловский избегает характеристики событий начала 90-х гг. как «революции»¹, хотя это вполне соответствовало бы марксистскому пониманию данного термина. Ведь имели место смена форм собственности (приватизация), смена элит (во многом изменена схема управления страной, ликвидированы все союзные министерства и ведомства, включая Госплан СССР), возникла многопартийность, изменились формы политической организации и борьбы. Причём, такое понимание вписывается не только в марксизм, но и в современную теорию революций, развиваемую Дж. Голдстоуном, где смена форм собственности не является обязательным условием [2]. Павловский ещё раз поясняет свою позицию в заключении:

«Беловежские соглашения 1991 года определили границы России в их нынешнем виде. Но сами они – акт необычной власти, более чем самодержавной – **власти упразднить свое государство** (здесь и далее в цитатах – жирный шрифт и курсив автора, Г.П.).

Назовем такую власть Сверхсуверенитет. Воспользовался им только Ленин, и то единожды – в 1917 году, Сталин эту власть получил в готовом виде и систематизировал. Сила и слабость власти – в ее двойной легитимности. Сверхсуверенитет своевольно помыкает страной, поскольку одержим (часто искренне) своей глобальной задачей. Всегда – **«именем мировой цивилизации»**, но всегда и **«в одной, отдельно взятой стране»**.

Сверхсуверенитет возник из нами же инициированной **катастрофы** – ликвидации государства (СССР) с одобрения мирового сообщества» [11, с. 115].

Революции – социальные сдвиги, в ходе которых народ меняет власть, упраздняет прежнее классовое деление и социальную структуру, а заодно переустраивает государство (если под последним понимать «состояние народа», а не отдельный, противостоящий – в соответствии с Гоббсом – гражданскому обществу субъект). Насколько я понимаю Г.О. Павловского, его характеристика «гениальности российской власти» состоит в том, что она может «упразднить государство», ликвидируя все старые социальные взаимосвязи, в том числе и свои обязательства перед народом. Более того, власть может упразднить и сам народ, превращая его в «население», и наоборот. Автор поясняет (раздел «Народ»):

«В прежнем космосе Путина **народ** удален от политики. Всякое вторжение народа во власть – вещь опасная: то революция, то съезд народных депутатов, то народная война. Но теперь Путину политически понадобился **народ**, отдельно от государственной оболочки. Почему и для какого использования, ему еще непонятно. Зато началось конструирование и пополнение народа. «Народ» заселяют населением.

¹ Вместо этого в тексте часто используется термин «катастрофа», но это не синоним революции. События начала 90-х Г.О. Павловский также относит к «катастрофам». Любопытно, что события зимы 2013–2014 гг. на Украине Павловский характеризует именно как «революцию». Но анализ его последних работ выходит за рамки нашего сравнительного анализа.

Народ для Путина в реальности – лишь *население*. Это он закрепил в русском политическом дискурсе «население» как собирательное имя для граждан Российской Федерации. Принимая индивидуальных граждан в ОНФ, население принимают в народ» [11, с. 57].

Понятно, что если «народа» нет, и его начала создавать из «населения» российская «гениальная власть», то и демократия в России также находится в зачаточном состоянии. Выстроить соответствующие институты может – если захочет – власть:

«Я рассматриваю демократический опыт России как эксперимент. **Демократия** у нас может получиться, а может – нет. Удача или неудача импровизации определяется кроме прочего проработкой опыта строительства демократических институтов» (с. 36). Отсюда возникает любопытный вопрос об экспертном сообществе, занимающемся «проработкой опыта», к которому принадлежит и сам автор, но об этом – позже. Здесь же в дискурсе Павловского возникает неожиданная этническая тема: «Общеизвестно выражение **асимметричная Федерация**. Она асимметрична из-за неравенства областей и республик в составе Российской Федерации и того, что в состав одних субъектов входят другие субъекты, что, вообще говоря, абсурдно. Это советские обрубки, фрагменты административных тел, нашпигованные бюрократией, присвоившей символическую компетенцию.

Зато есть масса непредставленных субъектов, и главные среди них – **русские**. Мы твердим, что кавказские земли – «та же Россия». Верно. Но никто не говорит официально, что и русские земли – та же Россия. Русские, кавказские, татарские земли – все составные части России в политике представлены по-разному; а русские не представлены никак. Не представлены и различия между русскими землями, ведь мы не унитарны» [11, с. 37].

Зафиксировав абсурд, Павловский движется дальше, показывая на примере военной реформы, проводившейся министром обороны Сердюковым, иммунитет и отторжение реформ в российском социуме вообще. Описание протестов против военной реформы используются для усугубления чувства абсурда от российской демократии. Одновременно у внимательного читателя возникает чувство недоумения – если «социум» сопротивляется, то у него есть «субъекты», противостоящие «власти», но – кто они? Если «народа» нет, то кто от его имени приобретает право действовать, сопротивляться «гениальной власти»? В разделе «Демократия» автор не даёт ответа на этот вопрос. Эксперимент ещё только в самом начале.

Важная часть российского клуджа – экономика. Павловский, по сути, использует старую концепцию «власти-собственности», с помощью которой характеризовались и «азиатский способ производства», и «феодализм» [11, с. 62–113]. Поэтому в России нет экономики как таковой:

«Слово «экономика» используется нами как эвфемизм. Это официальный жаргон, вроде «коммунизма» в СССР; нынешний требует, чтобы политическая позиция описывалась как хозяйственная. Российский либерально-бюрократический официоз идет не от ценности, а от конъюнктуры, причем абсолютизируемой. Такое понятие об экономике хорошо выражает слово проект» [11, с. 113]. Действительно, проект предполагает начало и конец, в нём есть руководители, ответственные за разные части и этапы проекта. У любого проекта есть риски невыполнения, связанные со спонтанностью поведения окружающей среды, поэтому необходимо запланировать резервы, и т. д. Проект –

термин, который позволяет осовременить и отчасти замаскировать отношения «власти-собственности».

В результате все экономические феномены превращаются в политические. «Другой ведущий политтехнолог России, проектант ее экономики Алексей Кудрин, подолгу оставался в тени. Почему Кудрин политтехнолог? Потому что экономика России не результат хозяйственного развития – это политический артефакт, отражающий необычную концепцию власти и собственности» [11, с. 50].

В общем-то, кажется, что концепция Павловского становится понятной: российская власть, перераспределяя природную ренту, получаемую от экспорта ресурсов, обеспечивает себе тем самым лояльность «опасного населения»; поскольку собственность не отделена от социального статуса, постольку защиту от экспроприации также предоставляет только принадлежность человека к правящей коалиции, и т. д., и т. п. В общем, по первому впечатлению, российский клудж – это всего лишь переехавшее в 21 в. феодальное политическое устройство, где абсолютный монарх (президент) может делать с населением всё что хочет. «Феодализм – авторитаризм» дополняется заимствуемыми с запада стандартами потребления и частью гражданских промышленных технологий. От внешнего разрушения передовым демократическим западом такое государство защищается унаследованным, по воле исторического случая, ядерным оружием. С различными вариациями взгляд на Россию как отсталое авторитарное государство широко распространён среди российских политологов и является вполне respectable. Но Павловский расходится с этой моделью по нескольким важным позициям, на которых специально акцентирует внимание читателя.

1. *Petrol state*. «Нефтяное», или правильнее сказать, «сырьевое» государство вполне вписывается в вариант «власти-собственности», а заодно и «ограниченного доступа» по Нортю [9]. Однако Павловский выступает против отождествления такого режима с Россией:

«Принципиальное отличие России от **нефтегосударств** там же, где и формальное сходство, – **в слабости государственных институтов**: институты России действительно слабы, слабее некуда. Это так часто повторяли, что уже не спрашивают – действительно ли эти институты находятся там, где висят их вывески? Не действуют ли реальные институты в совершенно других местах? Можно ли назвать авторитарным политический строй, где центральная власть не производит авторитаризма, а является его потребителем? Наш **авторитаризм симулируется местными бюрократиями**. Они изображают покорность, и возникает чувство, будто власть чрезвычайно сильна. Ведь если не спорить с силой, значит, ее боишься, а раз боишься, значит, она сильнее.

Сила Путина производна от дисциплины, но не он сам и не центр дисциплинировал эти режимы. Путин приобретает у них знаки покорности, имеющие точную цену в деньгах, в межбюджетных трансфертах с широкими взглядами на их целевое использование. Губернатор, который завел собственный бизнес – молодец, он делает то, что надо; это не коррупция. Власть, конечно, приказывает местным боссам, но не раньше, чем выяснит, что они на самом деле исполняют. И только уяснив последнее, отдает приказ.

Так **нефть** и газ создали место для централизованного контроля – теневого, но действенного. Банки и финансовые центры у нас не места, где финансы аккумулируются, а места, где в финансы конвертируют связи с полезными людьми.

Центр не может ничего навязать, у него нет таких сил, он вынужден торговать, что-то продавая. И центральная власть продает – первым **нефть** и газ, вторым участие в доходах и выгодах, а третьим, что, возможно, всего важнее, продаются связи – связи, влияющие на власть и ею самой являющиеся» [11, с. 62–63].

Т.е., по Павловскому, в России – не жёсткий авторитарный, но скорее «феодальный», «рыхлый» политический режим. Перераспределяемая в центре сырьевая рента на местах дополняется «своими», местными доходами и ресурсами. Ни авторитарный диктатор, ни абсолютный монарх не договариваются со своими же чиновниками – наместниками; напротив, российский клудж подерживается многочисленными конвенциями. И «мировой запад» предоставлял помощь в 90-е тоже «по договорённости» о нераспространении ядерных технологий, а не «под залог ренты», как это практикуется в «нефтегосударствах».

2. Вертикаль власти обычно связывают с авторитаризмом, однако Павловский интерпретирует этот термин совершенно иначе: «Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям» [11, с. 18]. Как ни странно, это напоминает ту самую демократию, про которую в другом месте утверждается, что её в России пока нет. И сам автор ниже указывает:

«Работая по заданиям центра и выполняя поставленные задачи, регионалы подтверждают компетентность, сохраняют должности, которые занимают, и с ними – право обогащаться (право строго **привязано к месту власти**), их местным недругам запрещается враждебная активность – конкурировать можно лишь непублично и с ведома центра.

Центр скупает менеджмент, позволяя тому позаботиться о цене покупки, – а боссы переустраивают местную власть в режимы управления собственностью. Повышая капитализацию последней, владелец вынужденно развивает свой регион. **Вертикаль власти работает как сильно деформированный институт развития.**

Приоритеты заданы федеральным центром. Обогащаться местный босс должен так, чтобы недовольство им не превысило лимит, – местная экономика обязана быть социальной и неконфликтной. Выполняя обязательства по социальным нормативам и показателям, можно расхищать бюджет и трансферты, но умеренно нескандальным образом. (Этим условиям лучше всего отвечает схема «откатов», что объясняет взрыв ее популярности.)

Вертикаль власти ориентирует губернатора на устойчивое развитие, а не на депрессию и произвол!» [11, с. 19].

Если принять эту концепцию, становится непонятен пафос «клуджа». Павловский нигде не приводит описания идеала, какой-либо западной или восточной политико-экономической модели без «деформаций институтов развития». Нет никакого обоснования тезиса о том, что «откаты» – специфическое российское явление, и что в какой-либо прекрасной демократической стране местные политические деятели принимают решения о развитии вверенных им земель и муниципалитетов, не заботясь о своей личной выгоде. Такой известный теоретик общественного выбора, как экономист М. Олсон полагал ситуацию передела политической ренты естественной [10].

Но вертикаль власти у Павловского дополняется ещё и конфликтами. При этом регионы заинтересованы в производстве своеобразной симуляции конфлик-

тов – центр под их погашение выделяет ресурсы. Вообще говоря, это напрямую противоречит представлению об «институте развития»: депрессия, упадок территорий провоцирует конфликт едва ли не успешнее, чем развитие. Кажется, либо одно, либо другое, но автор – диалектик, он часто использует парадоксы:

«Все заинтересованы в нынешней системе – и все ей нелояльны! Все работают провокаторами конфликтов, по которым рассчитываются бонусами из кармана других участников. Но пока провокаторы носят маски «государственных лиц», все вместе можно назвать стабильностью.

При возникновении реальной угрозы для страны такая система немобилизуема. Ведь теневые «карманы», влиятельные в обычное время, всего лишь **места, где нет государства**. При попытке собраться в боевую машину такая Россия **сложится**, а ее институты испарятся². Останется территория с ее **«населением»** ©. Мобилизация, все равно боевая или политическая, приведет к состоянию моментального коллапса власти. Общественные сети отвернутся от государства, ведь победившие давно за себя заплатили, а проигравшие ненавидят власть, если еще не мертвы» [11, с. 49].

3. Общественный договор в государстве, перераспределяющем сырьевую ренту, представляется относительно простым. Часть ренты присваивается доминирующей коалицией элит, а часть передаётся социально незащищённым слоям населения, которые в ответ демонстрируют лояльность. Но Павловский строит принципиально иную конструкцию:

«Власть не отдаёт места арбитра между бюджетозависимыми социальными группами («путинским большинством») и людьми, производящими добавленную стоимость (бизнес, рабочие, инженеры). Она сохранит центральное положение и останется «круглым столом» всякого внутреннего **договора**. Идеология власти: без нас вы не договоритесь! Проверить это нельзя, так как мы всегда тут как тут. И никому еще не удавалось рассортировать реальность угроз, от которых защищает гениальная власть. Иные угрозы производны от нее же самой.

Пока власть балансирует между полюсами сегрегированной страны, невозможен никакой **договор**; ведь балансировать можно лишь до тех пор, пока **договора нет»** [11, с. 88].

Что это означает? Если нет договора, то есть ситуация постоянно поддерживаемой конфликтной ситуации. И этот конфликт, по Павловскому, организует сама же власть, и сама же его разрешает.

Ресурсное государство

На мой взгляд, центральной работой С.Г. Кордонского является небольшая монография «Ресурсное государство» [4]. С одной стороны, она подводит итог его размышлениям о советском периоде, а с другой – уже содержит основные идеи «Сословной структуры постсоветской России» [5] и «Россия. Поместной Федерации» [6]. В основном о «Ресурсном государстве» далее и пойдёт речь.

² Трудно сказать, относит ли Павловский нынешние сюжеты с присоединением Крыма, международными санкциями и операцией российских ВКС в Сирии к «реальным угрозам» или нет. Но пока его оценка представляется скорее неверной, в чём-то напоминая описываемую выше «симуляцию угрозы» для оживления спроса на экспертные услуги.

В отличие от поэтических и туманных, многозначных текстов Павловского, С. Г. Кордонский излагает свою концепцию прямо и относительно просто. Там, где Павловский говорит, что «экономика – это эвфемизм, нечто вроде коммунизма», Кордонский пишет:

«В России, с моей точки зрения, не было той экономики, которая описывается в стандартных учебниках. То, что внешние наблюдатели принимают за экономику, вероятнее всего, вообще не экономика, а ресурсная организация государственной жизни» [4, с. 9].

Ресурсная организация предполагает планирование, распределение, использование – однако в ней нет обычного обмена, торговли. Обмен предполагает наличие собственности, различения «своего» и «чужого». Термин «собственность» в первой части «Ресурсного государства» (одноимённый раздел) не используется Кордонским вообще.

Если «собственности» нет, то – логично – нет и товаров, капитала, денег в их традиционном понимании. Есть ресурсы, планы, нормативы, учётные документы (деньги в таком случае превращаются в талоны, выполняющие учётно-распределительную функцию). Ещё есть право распоряжения ресурсами, что представляет собой властное полномочие. Количество ресурсов равнозначно количеству таких властных полномочий; в обычной экономике подобное обладание ресурсами означало бы богатство, в ресурсном государстве – силу, власть.

Упразднение собственности и превращение её во властное полномочие – «общественную собственность» – сюжет социализма. Дисциплина, которая адекватно описывает такое общественное использование ресурсов в соответствии с распоряжениями власти – политэкономия социализма. Кордонский указывает:

«Советский социализм был целостной системой управления ресурсами, рационально выстроенной, логически связной и реализованной в системе государственного устройства. Он не умер, вопреки мнению большинства отечественных идеологов, политиков и экономистов. Более того, очистившись от советской риторики, он возрождается как во многом антисоветский – но социализм...» [4, с. 9–11].

Если этот принципиальный пункт о наличии социализма в постсоветской России принимается, то далее из него разворачивается множество сюжетов (историй).

1. Динамика ресурсного государства. Рост ресурсного государства означает увеличение создаваемых (добываемых) в оборот ресурсов, уменьшение – снижение объёма таких ресурсов. Ресурсами становится, естественно, не только сырьё, но и технологии, инфраструктура, образование, здравоохранение и т. д. Гражданам ресурсы предоставляются для их дальнейшего производительного использования; если же последние начинают изымать их из оборота, чтобы пустить на личные нужды, это уменьшает количество ресурсов и должно наказываться. Для наказания таких «расхитителей» и поощрения производителей используются репрессии. Вообще, репрессии и страх – основные условия развития ресурсного государства по Кордонскому. В свою очередь цели такого государства формируются официальной идеологией и являются относительно экзогенными (геополитическими – для царской России, строительством социализма – для СССР).

Снижение объёма репрессий, либерализация режима использования ресурсов моментально приводит к снижению их объёма, расхищению, выводу из оборота. Начинается депрессия, которая может закончиться распадом ресурсного

государства. Циклы репрессий и депрессий являются нормой для России, организуя основной механизм отечественной истории. Хотя, возможно, в очередной раз какая-то из депрессий зайдёт так далеко, что восстановление государства станет невозможным, и бывшие российские территории войдут в состав нормальных, «правовых», «рыночных» государств.

2. Социальная структура. Ресурсное государство для достижения стоящих перед ним целей формирует необходимые ему социальные группы и наделяет их ресурсами:

«Советские сословия, кроме того, что были идеологическими институтами, были ещё и социально-учётными группами, формируемыми социалистическим государством для решения конкретных проблем концентрации и распределения трудовых ресурсов – на основании признаков национальности, образования, происхождения, места жительства, занятости в отраслях социалистического ресурсного хозяйства. Фактически каждый параметр паспортного учёта... конституировал определённое учётное сословие, которому нечто полагалось, но и нечто обязывалось...» [5, с. 49].

Репрессии были также необходимым механизмом «регулирования межсословных отношений в СССР», они позволяли, по сути, достигать необходимых пропорций социальной структуры [5, с. 73].

Наличие законов о государственной службе и соответствующих актов, регулирующих трудовые отношения в различных федеральных ведомствах, по мнению, Кордонского, в достаточной мере иллюстрирует продолжение сохранения «ресурсного характера» труда в постсоветской России.

3. Пространственная организация. Население, превращаемое в ресурсы, не свободное и относительно немобильное, организуется в сословия с различными правами. В свою очередь, то же самое должно произойти и с пространством, включая сюда территории, рассматриваемые как ресурс. Очевидно, что сравнительная однородность, равноправие территориальных субъектов противоречило бы самой идее ресурсной организации – ведь таковые субъекты являются частью социального пространства, которое не просто неоднородно, но ещё и разграничено сословными перегородками. Отсюда логично возникает идея «разгороженных мест», поместий:

«Поместьем становится часть «реального» пространства, отделённая от него границей любого рода, в том числе и забором, и преобразуемая сообразно «человеческим» представлениям о том, как оно должно быть организовано. Так, регионы Российской Федерации, особенно её республики, будучи «в реальности» её субъектами, «на самом деле» представляют собой поместья их президентов и глав администраций. Существенная часть муниципальных районов, например, «на самом деле» стали поместьями глав муниципальных образований, в которых практически вся могущая приносить доход собственность зарегистрирована на членов их семей и доверенных лиц и где без их ведома и муха не летает» [6, с. 22].

Конечно, идея о том, что в нынешней России продолжает функционировать социализм, может показаться неприемлемой, однако такова реальность, описываемая дискурсом С.Г. Кордонского. В принципе, эти формулировки можно ввести в некое общецивилизационное русло концепции неразделённости власти-собственности. Например, как это делает М. ван Кревельд: «империи

и феодальные общества... не знали различия между «правительственной властью» и «собственностью», или, по крайней мере, это различие не было чётким. Не важно, был ли правитель слабым или сильным, но он правил... теми, кто был «его», независимо от того, были ли эти люди членами его рода, вождями низшего ранга (наместниками), его сторонниками, домашней челядью, вассалами или рабами... Это означает, что «политической» власти в современном смысле этого слова не существовало, и, конечно, не было и соответствующего термина...

Ситуация в классических городах-государствах была совершенно иной... в Греции и Риме «правительство» (*arche, imperium*) определялось как форма власти одних людей над другими, которые, в отличие от членов семьи и рабов, были равны (*homoioi*) перед законом и не «принадлежали» друг другу ни в каком смысле. Так была проведена очень чёткая граница между частной (*idios, res private*) и публичной (*demosios, res publica*) сферами...

...Разработка зрелой теории разделения власти и собственности – по-видимому, самого важного политического изобретения во все времена – заняла, вероятно, не одно столетие» [7, с. 37–39].

Сравнивая тексты Г. О. Павловского и С. Г. Кордонского, можно обнаружить много общего. Это уже упоминавшееся смешение власти и собственности, саркастическое отношение к современной российской юстиции (суд в СССР – России не защищает право, но регулирует порядок, устраняя его нарушения), отрицание рынка и т. д. Однако есть и существенные различия. Там, где Павловский видит нагромождение абсурда – например, в федеративном, административно-территориальном устройстве, у Кордонского выступает своеобразный сословно-поместный порядок («поместная Федерация»). И если для Павловского нынешняя политическая Россия – клудж, то у Кордонского – продолжение давних, ещё царских традиций циклов развития ресурсного государства.

С. Ю. Барсукова определяет суть работы С. Г. Кордонского «Сословная структура постсоветской России» следующим образом: «...Не обманывайте себя, наш рынок и порождаемые им классы чахнут в тени ресурсной экономики, социальной организацией которой является сословное мироустройство» [1, с. 81]. Наверное, можно сказать и так. Но можно сказать и иначе: суть работ и Павловского, и Кордонского – в делегитимации российского политико-экономического устройства. Павловский иронично характеризует российскую власть как «гениальную», а Кордонский классифицирует состав этой самой власти следующим образом: «Издавна в стране сложились три культуры: удельно-княжеская, воровски-купеческая и аристократически-бандитская» [4, с. 33–34]. При этом С. Г. Кордонский специально оговаривается: «Термины удельные князья – помещики, воры и бандиты – не несут в себе оценочного смысла. Эти определения не более чем констатация того, что люди с соответствующими менталитетом и способами действий – главные актеры нашей российской драмы в эпохи депрессий» [4, с. 32].

Так что – да, конечно, «не обманывайте себя», а впереди ещё и укрепление ресурсного государства, то есть фаза массовых репрессий по Кордонскому (по О. Э. Бессоновой – «расцвет раздатка»). Бесправному населению остаётся только надеяться на буржуазно-демократическую революцию, которая наконец разделит власть и собственность, даст гражданские права и превратит всех в народ. Но это уже марксистский дискурс (и марксистская реальность). В других вариантах – либо

репрессии, либо устранение клуджа вплоть до распада ресурсного государства, т. е. современной России. «Иного не дано».

1. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике или 16 оттенков серого. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015.
2. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Издательство института Гайдара. 2015.
3. Кламер А. Странная наука экономика. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения. 2015.
4. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. – М., REGNUM. 2007.
5. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2008.
6. Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. – М.: Европа. 2010.
7. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.
8. Макклоски Д. Риторика экономической науки. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения. 2016.
9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара. 2011.
10. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство. 2013.
11. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа. 2012.
12. Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России, 2006, № 3. – С. 62–113.
13. Сэмюелс У. Дж. «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании реальности. В кн. Истоки: Качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2015.

References

1. Barsukova S. Yu. E'sse o neformal'noj e'konomike ili 16 ottenkov serogo. – М.: Izd. dom Vysšej shkoly e'konomiki. 2015.
2. Goldstoun Dzh. Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie. – М.: Izdatel'stvo instituta Gajdara. 2015.
3. Klamer A. Strannaya nauka e'konomika. – М.; SPb: Izd-vo Instituta Gajdara; Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015.
4. Kordonskij S.G. Resursnoe gosudarstvo. – М., REGNUM. 2007.
5. Kordonskij S.G. Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii. – М.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie». 2008.
6. Kordonskij S.G. Rossiya. Pomestnaya Federaciya. – М.: Evropa. 2010.
7. Krevel'd M. Rasvet i upadok gosudarstva. – М., Chelyabinsk: IRISE'N, Socium.
8. Makkloski D. Ritorika e'konomicheskoy nauki. – М.; SPb: Izd-vo Instituta

Gajdara; Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016.

9. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. – M.: Izd. Instituta Gajdara. 2011.

10. Olson M. Vozvyshenie i upadok narodov: E'konomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz. – M.: Novoe izdatel'stvo. 2013.

11. Pavlovskij G. Genial'naya vlast'! Slovar' abstrakcij Kremlya. – M.: Evropa. 2012.

12. Pliskevich N.M. «Vlast'-sobstvennost'» v sovremennoj Rossii: proisxozhdenie i perspektivy mutacii // Mir Rossii, 2006, № 3. – S. 62–113.

13. Se'myuels U. Dzh. «Istina» i «diskurs» v social'nom konstruirovanii real'nosti. V kn. Istoki: Kachestvennye sdvigi v e'konomicheskoy real'nosti i e'konomicheskoy nauke / redkol.: V.S. Avtonomov (gl. red.), O.I. Anan'in (zam. gl. red.), D.V. Mel'nik (otv. sekr.) i dr. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly e'konomiki. 2015.

UDC 81.1

RUSSIAN POLITICAL AND ECONOMIC MODEL IN THE WORKS OF G. PAWLOVSKY, S. KORDONSKY, A. AUZAN (DISCOURSE ANALYSIS). PART I

Orekhovsky Pyotr Aleksandrovich,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Doctor habilitatus in economics,
Professor, chief researcher,
Moscow, Russia,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Annotation

This paper presents a discourse analysis of the works of famous Russian scientists – humanities G. Pawlovsky, S. Kordonsky, A. Auzan. It demonstrates the difference between discourses of political science, sociology and economics, considering the same theme. The last makes it extremely difficult understanding of representatives of various humanitarian disciplines. Most economic studies related to the study of institutions as an implicit premise is used political hedonism that makes possible the quantitative modeling of institutional change.

Key concepts:

discourse, constructivism, the “government-owned”, vertical contract, political hedonism.
